

Исполнилось 90 лет Юрию Андреевичу Таракову. Он родился 7 ноября 1935 года в деревне Гумбарицы Ладейнопольского района Ленинградской области. Окончил Белоцерковский сельхозинститут («Белые одежды» Владимира Дудинцева написаны по результатам исследований этого научного учреждения). После окончания вуза работал главным зоотехником совхоза (1959–1961 годы), заведующим отделом, ответственным секретарем, заместителем редактора, редактором районной газеты (1961–1969 годы). Лектор Кокчетавского обкома партии, второй секретарь Рузаевского райкома партии (1969–1975 годы), редактор кокчетавской областной газеты «Степной маяк» (1975–1980 годы), первый заместитель редактора газеты «Казахстанская правда» (1980–1985 годы), заместитель заведующего отделом организационно-партийной работы ЦК Компартии Казахстана (1985–1990 годы), редактор газеты «Советы Казахстана» (1990–1995 годы). С 1995 года находится на пенсии. Дважды награжден орденом Трудового Красного Знамени.

ЕЩЁ НЕ ВСЁ ПРЕТВОРЕНО

До девяноста дожить непросто. И тем не менее мой отец, Юрий Андреевич Тараков, достойно шествует дальше. Не без медицинской поддержки. И шунтирование понадобилось, и кардиостимулятор имплантирован. Но продолжает свое главное дело – работу над толковым словарем русского языка, готовя второе издание. Поэтому, дабы не отвлекаться на суетные мелочи, предпочитает жить один. Мы его, конечно, снабжаем всем необходимым (лекарства привозим, продуктовые заказы выполняем, любимую пищу готовим), так он и сам частенько варит себе супы да каши.

На «муфасаилову» его биографию выпали периоды сложнейших испытаний, роковых перемен и даже смена эпох.

Чего стоила самая истребительная в истории человечества Вторая мировая война... Он ее перенес в детском возрасте, как считает, самом опасном для войн, и обрел фантомом сопровождающее чувство голода. Об этом периоде жизни юбиляра 31 марта 2006 года в газете «Казахстанская правда» вышел очерк «Войны шальные дети», часть которого вы здесь сможете прочесть.

А о самом звездном дне в судьбе энтузиаста-исследователя – презентации его главного труда и любимого детища – «Толкового словаря русского языка» – 12 сентября 2014 года в статье «С любовью к слову» рассказала журналист «Казахстанской правды» Наталья Курпякова.

Обе публикации включены в подборку «Простора», посвященную виновнику события, видному организатору казахстанской печати, основоположнику журналистской династии (схожую стезю выбрали все сыновья: Александр, Лев и Андрей) Юрию Андреевичу Таракову.

Естественно, образцы творчества юбиляра тоже здесь приводятся. Причем он предстает в необычном свете – поэта-сатирика (подборка «И смешно, и грустно»).

Александр ТАРАКОВ, старший сын

ВОЙНЫ ШАЛЬНЫЕ ДЕТИ

«Мы все – войны шальные дети», – поется в лиричной, проникновенной, донныне популярной песне. Однако содержание ее – не о детях. О генералах и рядовых, которые сравниваются с детьми ради образности. Причем в данном контексте вполне оправданно. А вообще-то дети не часто фигурируют в героико-патриотическом репертуаре Великой Отечественной. Как правило, обозначаются строкой, лирическим штрихом, словно дополняя эмоционально-ассоциативный ряд.

Нет, вовсе не претендую на оригинальность суждений, эти выводы отчасти навеяны воспоминаниями отца, на детство которого пришлась самая жестокая и истребительная в истории человечества война. Так вот, отец убежден, что особенно тяжко её беспощадные гусеницы проеозили по душам детей, калеча только формирующиеся характеры, искривляя и «плюща» судьбы. И именно маленький человек был главным мучеником на вселенской Голгофе.

Перекаати-доля

...Однажды мой отрок попросил:

– Дедушка, расскажи о войне, нам в школе дали задание найти людей, которые о ней что-нибудь знают.

И бесхитростно добавил:

– Мы с папой запишем тебя на диктофон, тогда пятерка обеспечена.

Что ж, задание есть задание – располагаемся втроем в старомодном дедовском кабинете, между книжных полок, подпирающих потолок, стоп словарей и бумажных «эверестов».

– Юрий Андреевич, начинайте! – торжественно провозглашает внук. – Запись пошла!

Н-да, а с чего начинать? Что, по нынешним представлениям, тянет на пятерку? Морщины сбегаются к центру лба, дед в раздумьях. Наконец, точно выйдя из оцепенения, согласно кивает головой и, разведя руками, произносит:

– Вон сколько у тебя книг, Игорек! А у меня во время войны ни одной не было. Даже учебника, самого захудалого и потрепанного, не было. Ни ручки запасной, ни карандаша.

В детских глазах – изумление:

– Дедушка, а как же ты учился?!

– У меня и бумаги нормальной не было для письма и арифметики. Какие там прописи, клеточки-линеечки... – мы писали на газетах и брошюрах с партийными пленумами, издававшихся большими тиражами. Писать на них вообще-то запрещалось, но куда было деваться? Что же касается учебников, то один приходился на пять-шесть человек. В основном они доставались девочкам, поскольку девочки аккуратней и прилежней. Ничего не оставалось, заранее договаривались, чуть ли не в очередь записывались, чтобы час-другой подержать в руках книжку.

– Ужас! – выдыхает юный собеседник и добавляет вопрос в тему: – Дедушка, а изо у вас было?

– Рисование, что ли? – переводит на свой лад рассказчик и с усмешкой отвечает: – Разве что в теоретическом плане. Рисовать-то нечем было и не на чем.

Ученику «постмиллениумного» периода, кажется, уже и нечего спросить – сидит молча, вытаращив глазенки.

Дед, видя некоторое замешательство интервьюера, заключает:

– Вот что такое война. Она мешает людям нормально жить, а детям учиться.

А следующая часть рассказа отца и деда была о том, как война мешает нормально жить. Разумеется, тем, кому посчастливилось уцелеть в горниле испытаний.

...О приближении войны он, тогда пятилетний мальчишка, не догадывался. Хотя батя его, моряк-сверхсрочник, после финской списавшийся на берег и уже сладивший просторную новую избу, по весне вдруг раскатал её по бревнам и сплавил по Свири в районный городок. Там, потом объяснили взрослые, Андрей Федорович надумал ставить дом после войны, для размеренной гражданской жизни.

Увы, этим планам не суждено было осуществиться. Опытного воина вскоре вновь призвали. С пулеметным взводом морской пехоты удерживал позиции под Нарвой, пока осколок авиабомбы не выбил из строя. После госпиталя, уже в пехоте «сухопутной», служил связистом. До того рокового дня, когда в разгар наступательных боев под Житомиром не вернулся с задания...

А семье – жене, сынишке и теще – выпал удачный жребий: до того, как «черная стрелка» поглотила приладожскую деревню Гумбарицы (теперь на ее месте орнитологический заповедник. – *Авт.*), их успели эвакуировать. На северо-восточный берег озера, в деревню Сторожне.

– Ночью погрузили что было под руками на подводы, – вспоминает отец, – посадили на них самых маленьких детей и пошли.

Эвакуация проводилась полустихийно, неразумно. В итоге в небольшой деревушке сконцентрировались сотни людей с побережья.

– Почти все были нищие, ведь хозяйство, скарб побросали. К зиме уже ни у кого ничего не было. Очень много детей умерло с голоду.

Вот иллюстрация глубины мук и страданий:

– Как-то от сибирской язвы пала лошадь. Ее отвезли, закопали. Но ночью люди тушу вырыли, разделили зараженное мясо и съели.

– Кто-нибудь пострадал?

– А кто его знает? Похороны-то у нас почти ежедневно были. И болезни косили народ, и голод, и снаряды с бомбами.

– Голод к весне стал нестерпимым, – продолжает отец. – Собирали в поле прошлогоднюю гнилую картошку и за неимением сковородок жарили прямо на печках. Она была чернющая, вонь распространяла невероятную. Затыкали носы и ели.

У меня невольно вырывается:

– Но ведь Ладожское озеро обильно рыбой!..

– Да, были промысловые бригады, состоявшие в основном из женщин, так на них немецкие летчики тренировались. И вместо улова на берег доставлялись трупы. Куда же девалась рыба, не знаю, я ее никогда не видел.

Бесстрашные асы «Люфтваффе» любили совершать лихие налеты и на незащитные веси, щедро поливая из пулеметов всё живое и таким образом оттачивая свое стрелковое мастерство.

– Как сейчас помню: стою у окна, а в мою сторону с разворота несется самолет. Взрослые побросались кто под печку, кто куда, я же застыл, точно завороченный. Благо, пули не заделали, – не только внуку, но и мне впервые рассказывает «пасынок» войны. – Правда, после хорошей взбучки подобных оплошек больше не допускал.

Таким вот получился «постой» в Сторожне. Из месяцев жалкого, беспросветного существования лишь один позитивный эпизод сохранился в памяти.

– Зимой селом проходила наша часть. На лыжах, в маскхалатах. Все мы выбежали смотреть. И солдаты, как один, стали выбрасывать на обочину пайки.

Но и это событие из разряда печальных, ведь солдаты 1941-го шли в смертельный бой, для многих из них – последний.

В дальнейшем военная перекати-доля грузовыми вагонами отправила полуживых переселенцев в Вологодскую область. Там было ничем не лучше. Тоже лютовал голод, и смерть вела свою скорбную жатву.

И конечный пункт эвакуационной одиссеи – северный город Мончегорск Мурманской области – наверное, явился для отца моего спасением, потому что с чесоткой и «букетом» других болячек пролежал в здешних палатах целый месяц. Новые мыканья ослабленный детский организм вряд ли бы выдержал.

Слава Богу, жизнь взяла свое, и шестилетний скиталец благополучно выписался из больницы. Тут за его дальнейшую судьбу принялась хлопотать бабушка.

– Баба Таня решила непременно определить меня в школу. В середине учебного года, невзирая на то, что не знал ни одной буквы. Потому что школьникам выдавали по пятьдесят граммов присыпанного сахаром хлеба. Ходила к школьному руководству, уговаривала. Пусть, дескать, на второй год останется, только примите.

– И добилась-таки своего – приняли, – приступает к изложению очередного этапа биографии школяр сороковых. Причем с подкупающей откровенностью: – Были у меня одни двойки и тройки, но в конце концов перевели во второй класс. А там понемножку начал «подтягиваться».

В Мончегорске эвакуированных заселили в бараки – длинные сараеподобные постройки с общим коридором и семеркой комнат по обе стороны. В каждой комнате по семье, итого – четырнадцать миниколлективов под общей крышей. Для полноты картины надо еще добавить, что в этих «временных коммуналках» (для многих они сделались пожизненной обителью. – *Авт.*) не было предусмотрено абсолютно никаких удобств. А посему:

– Дети, жившие в бараках, в большинстве учились очень плохо. Постоянный шум-гам, толкотня, отсутствие маломальских условий для занятий. И вши заедали.

При воспоминании о вредоносных паразитах отца, чувствую, посещает едва ли не тот же ностальгический настрой, что и дотошного «тёркинского» деда в момент встречи с Василием:

– Вошь была сущим наказанием. Но вместе с тем возникла, например, такая традиция, когда женщины в процессе долгих бесед друг у дружки в волосах кровососок выискивали.

Так что и Мончегорск оказался далеко не идеальным местом под солнцем. Зато его не обстреливали, не бомбили. И здесь появились друзья, с которыми военное лихолетье переносить стало значительно легче.

Они нашлись прямо по месту жительства, в бараке.

– Ребят моего возраста было шесть-семь человек, а верховодил нами паренек постарше – Лёнька Попов. У него еще брат был Стёпка, но Стёпку мы почти не видели, он постоянно «сидел», в одной из тюрем и сгинул.

Лёнька, выяснилось из слов отца, тоже был вором, но, в отличие от «старпака», добрым и покладистым. Организовав мелкоту в шайку, он устраивал рейды по соседским сараям и огородам. Направление у них было исключительно продовольственное. По завершении каждой операции трофеи делились поровну и сообща съедались. Большую часть добычи составляла репа, вызревающая в северных широтах лучше других овощей. Когда она приедалась, Лёнька отваживался наносить «визиты» в пекарню. Как положено, расставлял «номера», самую же опасную работу выполнял самолично. И действовал без промаха, возвращаясь с двумя-тремя буханками.

Очевидно, исподволь и романтику «общака» прививал. Например, внушая, что никогда ничего просить не надо, это стыдно и позорно, а тем, что у тебя есть, должно делиться с окружающими. Да так, чтобы им не приходилось ощущать себя в роли просителей.

Моралистам впрямую возмутиться: мол, заурядного, наглого вора представляем едва ли не в ореоле благородства. Извините, но такие воры для детей военной поры, практически брошенных на произвол судьбы, были полезней иных родителей, прятавших от своих чад пропитание, тот же карточный хлеб запиравших в комодах «на черный день». По большому счету, «Лёньки» и их полубанды «изымали» у взрослых то, что они не давали или были не способны дать.

«Продукт» драматичной эпохи, «зыбкой» социальной среды и чрезвычайных обстоятельств, он ведь тоже был пасынком войны. Но дерзким, своенравным. И эти качества от жизни удалой развились чрезмерно, непоправимо. Жаль, парень был не без задатков. Великолепный рассказчик, выдумщик и фантазер. Мог часами художественно врать, и детвора слушала, затаив дыхание, наивно веря каждому слову.

Да недаром же говорится: «Коготок увяз – всей птичке пропасть». Покатился Лёнька по наклонной. Три или четыре раза отсидел. Вернулся, года полтора помаялся в ассенизаторах... Это он-то! Завело в тупик – больше никуда не брали. В итоге спился и умер.

Вот чем еще аукнулась эта ненасытная на тела и души война – массовым, почти поголовным пьянством.

– Город был пьяным до невозможности. Люди так плохо жили, что практически всё пропивали. И дети к стакану тянулись. С шестого-седьмого класса. Из нашего барака, пожалуй, только я да братья Мошнаковы преодолели пагубную тягу, – вздыхает отец.

У кого-то раньше наступал надлом, у кого-то позже. Подобно тому, как у фронтовиков в разное время старые ранения «выстреливали».

– С Толиком Столяровым мы за одной партией сидели, – звучит пример из того же ряда. – Хорошо шел, поступил в военно-морское училище. Живи да радуйся! Нет, начал спиваться. Списали на бот. По озеру Имандра ходил от Мончегорска до станции. Во время одного из рейсов команда зашла, и его зарубили топором...

А вот уже в двух строках итожится другая судьба:

– Коля Макаров. Способный был парень. Ехал по распределению в Кемеровскую область. По пьянке потерял в поезде документы. И всё у него пошло наперекосяк...

Разумеется, нельзя всё чохом валить на войну. Но разве не она большинство детей наделила ярлыком «безотцовщина», то есть в психическом плане сделала «подранками»? (Здесь кстати будет привести стихи кокшетауского поэта Леонида Бондаренко: «Ровесники мои, в войну рожденные, / И наши крылья тоже опаленные».) Не она с 1941-го по 1945-й и много дольше унижала голодом, лишениями и нищетой?

Жутко подумать, но когда в конце сороковых отец мой купил в свободной продаже обыкновенные куриные яйца, он не умел с ними обращаться. Первое из-за отсутствия навыков размазал о забор. С помидорами было иначе. Один кое-как прожевал, а второй выбросил: показался страшно противным. Попросту не знал, что этот овощ соли просит.

И чувство голода не покидает по сию пору. Аппетит у человека – завиднейший. Сыновья и внуки не справляются с обедами и ужинами так скоро, как наш самый заслуженный едок, разменявший восьмой десяток, но донные незримыми нитями связанный с войной...

С ЛЮБОВЬЮ К СЛОВУ

Наталья КУРПЯКОВА,

журналист, кандидат филологических наук

В поисках Атлантиды

В идиоме «слово и дело» заложено противопоставление понятий. «Слово есть поступок», – утверждал Лев Толстой, подчеркивая ответственность, которую берет на себя говорящий. А для поэтов и писателей, лингвистов, учителей, журналистов «слово» и является «делом», их профессией, призванием. Юрий Андреевич Тараков связал свою жизнь со словом более полувека назад, он ветеран отечественного журналистского цеха, двадцать пять лет вплотную занимается лингвистическими исследованиями. Их результатом и стал Толковый словарь, получивший как первые профессиональные экспертные оценки, так и восторженные отзывы первых читателей. Сначала о лингвистических аспектах. Толковый словарь Ю. А. Таракова представляет собой оригинальный опыт лексикографического описания русского языка. Автор ставит целью установить генетическое родство языков мира, реконструировать древнейшие и промежуточные праформы, доказать единство языков как проявление единства человечества.

В предисловии «Единство в многообразии» Юрий Тараков пишет: «Анализ лингвистических структур различных языков показывает, что все они произошли от общего предка. Праязык родился там, где впервые появилось разумное существо... В процессе эволюции корни объединялись в слова, представляющие собой наикратчайшие синтаксические единицы и выражающие определенную мысль. ...изучая структуру конкретной речевой единицы, исследователь вправе обращаться за помощью к многочисленным языкам мира. Широкое сопоставление корней в различных языковых организациях позволяет найти утерянный в течение многих тысячелетий смысл почти каждого слова».

Кандидат филологических наук, ассоциированный профессор языкознания, заместитель директора Казахстанского филиала МГУ им. М. Ломоносова

ва Тамара Котлярова, выступая на презентации, отметила, что Юрий Тараков рассматривает язык как составную часть внутреннего мира человека, его духовной культуры, опору для умственных действий, подспорье для памяти. Выявляемые им словообразовательные и этимологические связи показывают «жизнь корня в языке».

– Перед нами не нормативный лексикографический источник в классическом понимании. Это скорее научно-популярное издание, в котором представлена авторская концепция по вопросам происхождения слов русского языка, их родства с другими индоевропейскими языками, и прежде всего – с санскритом, – говорила Тамара Котлярова. – На большом фактическом материале дано описание различных путей фонетической, семантической и словообразовательной эволюции древних корней в разных языках индоевропейской, уральской, тюркской семьях языков. Важный вывод, к которому пришел автор, состоит в том, что семантическая структура слова сложна, многозначна, поэтому выявить систему содержащихся в ней смыслов возможно только при обращении к многочисленным родственным и неродственным языкам мира.

Рецензент также подчеркнула, что в словаре продемонстрированы безграничные возможности лингвистики, которая сегодня переходит из структурно-системной парадигмы исследования в сферу антропоцентрического изучения, в центре которого стоит человек.

Так называемый человеческий фактор – личностное отношение к исследуемым проблемам, необыкновенная увлеченность, даже азарт, энциклопедическая образованность автора, живой, творческий склад ума – позволили Юрию Андреевичу не только представить собственную оригинальную интерпретацию семантической структуры русских слов в сравнительно-сопоставительном ключе, но и «разбудить» в читателе исследователя. Когда знакомишься со словарными статьями, можно соглашаться или спорить с автором, но главное – возникает желание разобраться в сложнейших перипетиях межсловных отношений разных языков.

Созвучье смыслов

Точно и не определить, когда Юрий Тараков решил заняться лингвистикой. Да и вряд ли он ставил перед собой такую цель. Просто интерес к слову, к особенностям речи, любовь к книгам и желание расширять границы своих знаний были у него с детства.

Он родился в 1935 году в деревне Гумбарицы Ладейнопольского района Ленинградской области. Деревня небольшая, домов двадцать, но местный говор там был уникальный. Случайный прохожий мог и не понять, о чем говорят жители. «Ты куды рюхи кентал?» – спрашивали, например. Или делились планами на день: «Можно бы и жировины собрать, да не кехтаю...» Позднее Юрий Андреевич каких-то слов не встретит даже в солидных диалектологических изданиях, зато найдет «созвучье смыслов» в словарях греческого, латинского языков, санскрита...

Загадки слов, их звучание, происхождение, значение увлекали незаметно, но всерьез. Рождались предположения, гипотезы, подтверждение которым искалось в словарях, исследованиях ученых, в произведениях художественной литературы.

Дома у Юрия Андреевича более ста словарей, много монографий, среди них есть просто экзотические – суахили-русский, малагасийско-русский словари, труды по африканским языкам... «Читать словари очень интересно, – признается он. – Бывает, проснешься ночью, какое-то слово придет в голову, встаешь, берешь словарь, проверишь...» Вопрос, как отнеслись к его увлече-

нию дома, вызывает у Юрия Андреевича улыбку: «Вначале плохо отнеслись. Слишком много времени занимала эта работа, отвлекая от бытовых дел...»

А труд проделан колоссальный! Собран, обработан и систематизирован огромный объем фактического материала. Делались закладки, выписки, заметки, потом рукописный текст переносился в компьютер, правки и вычитки – тоже авторские. Поражают не только словарные статьи (а их шесть тысяч!), где даются обширные комментарии, толкования смыслов, приводятся примеры из разных языков, но также количество и выбор иллюстративных цитат, позволяющих определить литературные пристрастия и почувствовать жизненную мудрость составителя. Сколько их использовано, посчитать невозможно. Основной массив – русская классика, есть современные произведения, встречаются отсылки к зарубежным писателям, особого внимания заслуживают казахстанские авторы – Джамбул и М. Ауэзов, С. Муканов и Г. Мусрепов, С. Сейфуллин и К. Салыков, Махамбет и О. Сулейменов, В. Гундарев и С. Абдрахманов...

– Люблю поэзию, любимый поэт – Лермонтов, раньше мог бы, наверное, наизусть читать стихи двое суток. Память, знание литературы помогают в работе, что-то вспоминаешь, появляются ассоциации... А одну и ту же книгу иногда надо смотреть десятки раз, – рассказывал Юрий Андреевич. – Конечно, существует много замечательных словарей, но они написаны давно, их можно усовершенствовать, добавлять новые данные, вносить уточнения.

Решенных проблем в языкознании предостаточно...

Единство в многообразии

Поздравить Юрия Андреевича с выходом книги в НАБ пришли президент республиканской газеты «Егемен Қазақстан» Сауытбек Абдрахманов, директор Национального музея РК Дархан Мынбай, заведующий кафедрой ЮНЕСКО по этнической и религиозной толерантности, профессор кафедры телерадио и связей с общественностью Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева Гадильбек Шалахметов, ветеран журналистики Моисей Гольдберг, столичные журналисты, студенты, сотрудники библиотеки.

Выступавшие отмечали, что выход в свет Толкового словаря русского языка не останется незамеченным, так как он адресован и специалистам, и всем читателям, интересующимся историей русского языка, сравнительным языкознанием. Много говорили об эрудиции автора, позволившей придать словарю энциклопедические черты, о его богатейшем читательском опыте и тонком языковом чутье, характеризующем Юрия Андреевича как своего рода ученого-беллетриста, для которого предположения и озарения так же важны, как и строгие научные данные. Поэтому предложенные им параллели привлекают читателя и в художественно-образном плане.

Нет сомнений, что Толковый словарь, созданный в ходе многолетней подвижнической работы, имеет важное культурно-просветительское значение. А Сауытбек Абдрахманов даже произвел любопытные подсчеты: если перемножить количество знаков в строке, в колонках, на страницах (их без малого 700) книги, то получится, что в словаре более шести миллионов знаков. Примерно столько раз коснулись клавиатуры пальцы автора, и это только техническая сторона работы...

Не остались без внимания и авторские «лирические отступления», написанные с юмором, часто на злобу дня. Тираж словаря небольшой – всего 300 экземпляров, которые расходятся по библиотекам республики. Генеральный директор НАБ Умуткан Муналбаева предложила разместить электронную версию издания на сайте КазНАБ, который активно посещают и казах-

станцы, и читатели из других стран. Гадильбек Шалахметов считает, что словарь, созданный Юрием Тараковым, обязательно станет предметом курсовых и дипломных сочинений будущих журналистов и филологов.

Потенциальные исследователи, студенты филологического факультета Евразийского университета, были на презентации. Ребята слушали выступления, даже снимали происходящее на свои «сотки», а потом, получив экземпляры словаря, фотографировались с Юрием Андреевичем. «Мы рады, что побывали на презентации. Конечно, будем говорить о словаре на наших занятиях. Автором собран уникальный материал, достойный внимания, имеющий познавательное значение для будущих специалистов», – делилась впечатлениями заведующая кафедрой теоретической и прикладной лингвистики ЕНУ, доктор филологических наук Евгения Журавлева.

...Проблема развития языков становится в мире всё более актуальной – и для ученых, и для политиков, и для всех людей. Она требует продуманных подходов, взвешенных решений. В основе словаря Юрия Таракова, как отмечали рецензенты, лежит гуманистическая идея общности народов и языков, и это отвечает современным тенденциям формирования единого мировоззрения и общих культурных ценностей. Новый Толковый словарь русского языка издан, но свою работу Юрий Андреевич продолжает. Уже сделано порядка 500–600 поправок и уточнений. Да и как иначе, ведь изучение слова стало делом жизни Юрия Андреевича Таракова.

Юрий ТАРАКОВ,

почетный журналист Казахстана

И смешно, и грустно

Монолог адвокатов
– Артист, мошенник и бандит.
Защита Ваша ложна.
– Его с Шаляпиным сравнить
И с Лемешевым можно.
– Но он ребенка задушил
И мать его повесил...

– Зато смотрите, как он мил,
Смотрите, как он весел...
Суда карающим мечом
Поставлю всех на место:
И жертва станет палачом,
А вор зерцалом чести.

Его величество артист

В современной России движущая сила прогресса – артист. Артист учит астрономов рассчитывать орбиты планет, врачей – лечить неизлечимые болезни, инженеров – строить мосты, агрономов – обрабатывать поля, олигархов – взимать из их капиталов прибыль. Он знает всё, другие ничего. Он созидает, остальные – потребляют. Включите на сутки любой канал телевизора, и у вас не будет другого суждения. Создастся впечатление, что главное в жизни – сцена, а реальная жизнь – дым, миф, иллюзия. Это очень похоже на умиравший Рим. Грустно и тревожно!

Поставить крест

VIP-персона в бизнес-классе
Ловит кайф на новой трассе,
Бизнес-леди ждет бой-френда,
Бизнес-вумен – контрагента,
Спикер пробует спичрайт,

И у всех теперь олайт!
Улыбается Обама:
«Раша та же Алабама!»
Смотрит Лермонтов окрест:
«Ставь на русском слове крест!»

И brutally, и креативно

Российские американцы (и в печати, и на телевидении) очень любят слово «креативный»; они скоро забудут и самое русское из русских слов «творчество». «Креативный путь Пушкина...» – эта красота вот-вот перейдет во все учебники русской литературы. Невольно вспоминаешь В. В. Маяковского: «Скоро только один образованный француз будет кое-что соображать по-русски». А вот как «любит» это слово русский народ:

*Мой милёнок креативный,
И brutally, и активный –
Только замуж не берет,
Потому что идиот.*

Тот же процесс, но несколько в другом русле, проходит и на постсоветском пространстве. Вот что пишет в книге «Монголия глазами кочевника» Г. Кудайбергенов: «Современный казахский, по моему мнению, слишком модернизировался, особенно за последние десятилетия. Появились новые слова, термины, которых ранее не было и в помине. Особенно много сложных образований, где ведущее место принадлежит слову “хана” от персидского “хона” – “дом”. “Дари-хана” – аптека, “саук-хана” – казино, “зерт-хана” – лаборатория. И пошло-поехало “ханить”. Наверное, они (реформаторы) имеют право вводить в родной язык неологизмы. Выдумывать новые слова и термины. Но делать это нужно осторожно, тщательно, а не ставить самоцелью. Надо помнить, что именно народ является подлинным языкотворцем. Иначе можно дойти до абсурда. Казахский язык может стать филиалом иранского». А русский, добавим мы, – англо-американского.

Полушка

Если имя твоё бойфренд,
То цена твоя – ломаный цент,
А твоей драгоценной подружки –
Не больше полушки.

Перестройщик

За фунт копченой колбасы
Он перешел в другую повесть:
Поставил смело на весы
И вдохновение, и совесть.

От песни к танцам

Наш верховный за народ
Сердцем голосует.
Он, конечно, малость пьёт,
Только как танцует...

От танцев к музею

Жил-был первый президент –
Раздолбал Россию.
В благодарность Ельцинцентр
Братья водрузили.

Вик-энд

У Коляна был вик-энд,
Он накрыл поляну;
Там теперь деревьев нет,
Не найдут Коляна.

В почете

Он был лишь с дьяволом знаком
На Чёртовом болоте,
Но «отравили новичком»,
И он теперь «в почёте».

Облако в шортах

Ох, ох, не дай бог,
Не гневите чёрта,
Либерал, конечно, лох,
Но в лиловых шортах!

Элита в стрингах

Дробный шопинг хорошо,
Групповой – картинка:
Вся богема голышом,
Вся элита – в стрингах.

Учитесь жить

На экране мастер-класс...
 Как он сердцу дорог!
 Стас женился 20 раз,
 А развелся – 40.
 Всем, кто брак боготворит:
 Просим опыт повторить.

Попасть в точку

Чтоб чтить божественный наказ
 И рассуждать толково,
 Создали прадеды для нас
 Архитектуру слова.
 Не будем пятиться назад,
 Не будем жить в рассрочку.
 Смотрите в корень, говорят,
 И попадете в точку.

И тепло, и жарко

Ах, мороз, мороз, мороз,
 Весь седой, как олово:
 Бонапарта в пух разнес,
 Снес фашистам голову...
 Только где-то под Полтавой
 Поступил всевышний здраво:
 До небес задравший нос
 Швед сгорел, а не замерз.

Привет!

(в студию А. Малахова)

– Расскажу вам по секрету:
 Я невестой был у Фета
 И супругой Ленина,
 Бабушкой у Федина.
 В огнедышащие годы
 Принял роды у Ягоды,
 Материл у Троцкого
 Клюева и Бродского.
 А теперь я Помпадур
 И приветствую ля кур...
 Ну, Малахов, мон ами,
 В кузены отчима прими!

Панибрат

Герой и панибрат
 Всей западной помойки,
 Отступник, ренегат,
 Князь тьмы и перестройки.

Поговорим о сексе

Вы правы, милые певцы!
 Всё изменяется на свете:
 Не признавали секс отцы,
 Зато погрязли в сексе дети.

От спикера

Хоть Москва не новый Рим,
 Мы теперь не дикие:
 Мы теперь не говорим,
 А сидим и спикаем.

Будет и зрелость

Мы бойцы – не трын-трава,
 Знамя в новом мире:
 Наша молодость Дом-2,
 Зрелость – Дом-4.

Всех на формат

На экран пришел формат:
 Черный юмор, пышный мат,
 Эки и фанаты,
 Псы и автоматы.
 Нравов революция –
 Секс и проституция.

О патриотах

Ходит мода
 Такого рода:
 Всё хулить и хаять,
 На святое лаять.
 Так что глупо созидать
 И кипеть в работе –
 Не поймут нас никогда
 Наши «патриоты».

